

DOI 10.37386/2305-4077-2021-4-60-70

Н. А. Макаричева¹*Санкт-Петербургский государственный экономический университет*

АВДОТЯ РАСКОЛЬНИКОВА КАК ЦЕНТР ЛЮБОВНОГО СЮЖЕТА В РОМАНЕ «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

В «Преступлении и наказании» Достоевский концентрирует внимание на этическом противостоянии Сони Мармеладовой и Родиона Раскольникова, в процессе написания романа ослабляя их любовные отношения, чтобы не уходить от главной проблемы. Поэтому любовный сюжет в романе «Преступление и наказание» сосредоточен вокруг Авдотьи Раскольниковой. Анализ взаимоотношений Дуни со Свидригайловым, Лужиным и Разумихиным позволяет выявить такие особенности сюжета, как отсутствие открытых острых конфликтов между соперниками или соперницами. В романе рассматриваются различные типы взаимоотношений между мужчиной и женщиной, а также варианты брака. Особое внимание уделяется образу Авдотьи Раскольниковой как особому типу в эволюции гордых (инфернальных) героинь Достоевского. В ее взаимоотношениях с Дмитрием Разумихиным можно обнаружить диалог с сюжетом романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?».

Ключевые слова: женский психотип, неравный брак, брак по расчету, партнерские отношения, художественный диалог.

N. A. Makaricheva*St. Petersburg State University of Economics*

AVDOTYA RASKOLNIKOVA AS THE CENTER OF THE LOVE PLOT IN THE NOVEL «CRIME AND PUNISHMENT»

In *Crime and Punishment*, Dostoevsky focuses on the ethical confrontation between Sonya Marmeladova and Rodion Raskolnikov, weakening their love relations so as not to get away from the main problem. Therefore, the love story in the novel “Crime and Punishment” is concentrated around Avdotya Raskolnikova. An analysis of Dunya’s relationships with Svidrigailov, Luzhin and Razumikhin allows us to identify such plot features as the absence of open acute conflicts between male or femalerivals. Dostoevsky’s novel depicts various types of psychological relationships between men and women, as well as various versions of marriage. Particular attention is paid to the image of Avdotya Raskolnikova, as a special stage in the evolution of the image of the proud (infernal) heroines of Dostoevsky. In her relationship with Dmitry Razumikhin, you can find a dialogue with the plot of the relationship between the heroes of the novel by N. G. Chernyshevsky “What is to Be Done?”

Key words: female psychotype, unequal marriage, marriage of convenience, partnership, artistic dialogue.

¹ Наталья Александровна Макаричева – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Санкт-Петербургского экономического университета.

Раскольников и Соня Мармеладова – центральная пара в романе «Преступление и наказание», причем пара в этическом и гендерном смыслах. Принципиально важно, что в процессе написания романа Достоевский существенно ослабил любовную составляющую в отношениях Родиона и Сони, сосредоточив все внимание на этическом противостоянии героев: «К Мармеладовой он ходил вовсе не по любви, а как к Провидению» (т. 7, с. 146). Достоевский оставляет лишь конфликтную ситуацию Сони с Лужиным, при этом совершенно исключив мотив влюбленности, который намечен в черновиках: «Назло себе все-таки он не может не признать достоинств в Соне и вдруг влюбляется и пристает к ней до последнего (трагедия)» (т. 7, с. 159).

Поэтому в любовный сюжет вовлечены другие персонажи, и основное поле напряженности возникает вокруг сестры Родиона – Дуни. Благоклонности Дуни добиваются трое: Свидригайлов, Лужин и Разумихин. Анализ взаимоотношений в этом любовном многоугольнике сделан в статье А. П. Власкина, Т. Б. Зайцевой, С. В. Рудаковой. Авторы считают, что Дуня не просто вызывает интерес или любовь у своих поклонников, но и оказывает на мужчин определенное влияние. Достоевский выстраивает достаточно сложную любовную коллизию [Креницын, 2016] со многими героями, причем героями, очень различными по характеру и по психике.

Например, А. Гизетти, характеризуя «гордых» героинь, отметил, что образ Дуни Раскольниковой имеет особое значение для писателя: «И сам Достоевский относился к Дуне с опаской. Он ее еще не ненавидит (как будет ненавидеть Аглаю), но чувствует над собою какую-то странно-покоряющую власть “иного”, не укладывающегося ни в какие схемы мирозерцания, образа женщины, которая постоянно утверждает *свою* личность, свое “я”, не превращаясь в хищную эгоистку» [Гизетти, 1924, с. 192].

Характер Дуни раскрывается во многом через взаимодействие с мужскими персонажами. Но в еще большей степени мужские характеры раскрываются рядом с ней. Превосходство Сони Мармеладовой над Родионом – нравственное, причем Раскольников долго сопротивляется влиянию Сони и лишь на каторге приходит к признанию ее ценностей. Он меняется под ее влиянием, как другие мужчины – под влиянием его сестры. Но Дуня – совершенно иной тип женщины, чем Соня. Она умна, красива, решительна. Признать ее превосходство над собой готовы все ее поклонники. И первое, чем Дуня воздействует на мужчин, – это ее красота.

Ее красотой поражен Свидригайлов. За несколько месяцев, которые они провели под одной крышей в доме жены Свидригайлова, Марфы Петровны, он смог узнать характер Дуни и даже начать с ней коварную игру. Но даже Свидригайлов – знаток женщин и циник – понимает, что Дуня – нечто особенное. В конце, уже на грани отчаяния, он думает о Дуне и как о возможном спасении: «А ведь, пожалуй, и перемолола бы меня как-нибудь...» (т. 6, с. 390).

Лужин изначально мечтал о красавице-жене, которая будет зависеть от него во всем. Отчасти им руководит исключительно жизненный прагматизм, отчасти – самолюбие и жажда власти над другим человеком. Но он распаляется еще более, когда понимает, что его невеста – *«девушка гордая, характерная, добродетельная, воспитанием и развитием выше его (он чувствовал это)...»* (т. 6, с. 235).

Разумихин при первой же встрече тоже был поражен красотой и внутренним достоинством бедной, но гордой девушки. Он сразу попадает под влияние Дуни и даже не особо пытается этому сопротивляться. А. А. Гизетти очень верно заметил по поводу Дуни: это женщина – личность, чего нельзя не заметить и не оценить. Дуня подчеркнуто самостоятельна – она зарабатывает на жизнь, готова принимать сложные жизненные решения. При этом она совершенно не похожа на тех эмансипированных женщин, которых с иронией изображали писатели XIX в. Ее верховенство над другими, в том числе над Разумихиным, определяется силой характера и чувством собственного достоинства.

У каждого из мужчин свой особый интерес к сестре Раскольникова, и каждый готов ей что-то предложить. В сюжетах Дуня – Свидригайлов, Дуня – Лужин и Дуня – Разумихин просматриваются разные варианты взаимоотношений между мужчиной и женщиной.

Петр Петрович Лужин и Дуня Раскольникова – вариант брака по расчету, осложненный, как это характерно для Достоевского, мотивом психологической власти мужчины над женщиной. Надо признать, что причины, по которым Лужин делает предложение Дуне, различны. Изначально – прагматические. Дуня необходима ему для того, чтобы занять определенное место в обществе и даже успешно строить карьеру: *«Он знал, что женщинами можно “весьма и весьма” много выиграть. Обаяние прелестной, добродетельной и образованной женщины могло удивительно скрасить его дорогу, привлечь к нему, создать ореол...»* (т. 6, с. 235). Не менее важны мотивы психологические: *«такое-то существо будет рабски благодарно ему всю жизнь за его подвиг и благоговейно уничтожится перед ним, а он-то будет безгранично и всецело владычествовать!...»* (т. 6, с. 235). Во-вторых, эмоционально-чувственные: *«он уже даже любил по-своему Дуню, он уже владычествовал над нею в мечтах своих...»* (т. 6, с. 235–236). Достоевский далеко не первый, кто показал в своем романе подобный тип отношений: брак по расчету был не только художественным вымыслом, но и вполне реальной жизненной практикой. В творчестве Достоевского такой тип отношений тоже имеет несколько художественных вариантов. Например, в повести «Дядюшкин сон» молодую девушку Зину Москалеву мать старается выдать замуж за богатого старого князя и идет ради этого на всевозможные ухищрения. Еще чаще можно встретить различные варианты сочетания неравного брака и вынужденного брака. Трагично развивается сюжет в повести «Кроткая». Брак бедной молодой девушки с мужчиной намного старше нее – вынужденный, поскольку у героини выбор небольшой: либо выйти за владельца кассы ссуд, либо за купца, который уже «усахарил» двух жен. Этот брак не просто неравный по материальному положению, но и по возрасту. Часто у Достоевского материальная зависимость женщины от мужчины отодвигается на второй план, уступая психологическому подчинению женщины.

Финал уже не драматичен, а поистине трагичен: Кроткая погибает, но и ее муж терпит поражение в этом противостоянии. В романе «Братья Карамазовы» этот тип отношений возникнет в паре Федор Павлович – Софья («кликуша»), и опять закончится гибелью женщины.

Другой ракурс проблемы брака по расчету – эксплуатация женщиной своей красоты, чтобы извлечь выгоду – тоже исследован русскими писателями – современниками Достоевского: Элен Курагина у Толстого, Варвара Павловна Лаврецкая в романе Тургенева и др. А позднее в рассказе «Анна на шее» А. П. Чехов показал нравственную деградацию женщины, которая, решившись на брак по расчету ради семьи, заканчивает эгоизмом и утратой духовности [Шатин, 2002].

Для Дуни вынужденный брак с Лужиным необходим, чтобы обеспечить обнищавшую семью. Она надеется на то, что отсутствие любви можно компенсировать уважением: «...я не выйду за него, не быв убеждена, что он ценит меня и дорожит мной; не выйду за него, не быв твердо убеждена, что сама могу уважать его» (т. 6, с. 179). Но, убедившись, что уважение невозможно, разрывает с женихом. Стоит отметить, что в этот момент брак с Лужиным уже не является для нее жизненно необходимым: Дуня получает наследство от Марфы Петровны, а вместе с деньгами – свободу и возможность выбора. В момент разрыва с Лужиным рядом с Авдотьей Романовной уже есть друг Раскольников – Дмитрий Прокофьевич Разумихин. Он очень быстро завоевывает расположение матери и сестры Раскольникова, взяв на себя заботы о них вместо Родиона. В романе Достоевский дал вариант еще одного вынужденного и явно неравного брака: образованная и когда-то красивая Катерина Ивановна выходит за Мармеладова, потому что остается с тремя детьми и без средств к существованию после смерти первого мужа.

Таким образом, в отношениях Дуни Раскольниковой и Лужина у Достоевского реализуется один из вариантов неравного брака. У Достоевского понятие неравного брака раскрывается по-разному: и как брак мужчины и женщины, неравных по социальному и материальному положению, и как брак чистой девушки с мужчиной-сладоэротиком, что еще усугубляется разницей в возрасте (Свидригайлов и Дуня, Федор Павлович Карамазов и Софья и т.д.), и как брак людей, совершенно разных, иногда противоположных, по нравственным и душевным качествам.

Отношения Свидригайлова и Дуни непростые. Исследователи творчества писателя не раз отмечали неоднозначность образа Свидригайлова: «В нем много загадочного, и даже его отношения к Дуне, сестре Раскольникова, не довольно ясны. Нам остается неясно чувство его к этой женщине; была ли это сухая, зверская страсть или тут замешалось что-нибудь чище этого? Последнее вероятнее, потому что снимает всякий укор в утрировке и придает человеческий образ даже такому скоту» [Ахшарумов, 2015, с. 301].²

² Подробно об эволюции этого образа и противоречивых чертах характера Свидригайлова написано у Б.Н. Тихомирова [Тихомиров, 2011].

Свидригайлову пятьдесят лет, он был дважды женат, имеет детей от первого брака. В романе намечен возможный третий брак – с девушкой, которой должно исполниться шестнадцать лет. Его интересуют женщины очень разные, и он сам открыто признается Раскольникову: *«Зачем же бросать женщин, коли я хоть до них охотник?»* (т. 6, с. 361). Однако его брак с Марфой Петровной был заключен не по его инициативе, а по желанию женщины. Со стороны Свидригайлова в этом случае было, скорее, терпение и приятие судьбы, так как Марфа Петровна спасла его, выкупив из долговой тюрьмы. По признанию самого героя, между ним и его женой существовал своеобразный «брачный договор», который касался, прежде всего, увлечения Свидригайлова другими женщинами. Брак Свидригайлова и Марфы Петровны, возможно, продержался бы достаточно долго, если бы не роковое появление Дуни Раскольниковой. В романе несколько интерпретаций – версий того, что произошло между Свидригайловым и Дуней.

Первая версия – женская. Пульхерия Александровна пишет о событиях в доме Марфы Петровны Родиону. Конечно, она опирается на то, что знает от Дуни, а знает, видимо, далеко не все. Пульхерия Александровна размышляет над поведением Свидригайлова и считает, что роль Дуни в этой истории исключительно страдательная: *«Представь себе, что этот сумасброд давно уже возымел к Дуне страсть, но всё скрывал это под видом грубости и презрения к ней. Может быть, он и сам стыдился и приходил в ужас, видя себя уже в летах и отцом семейства, при таких легкомысленных надеждах, а потому и злился невольно на Дуню. А может быть, и то, что он грубостью своего обращения и насмешками хотел только прикрыть от других всю истину. Но наконец не удержался и осмелился сделать Дуне явное и гнусное предложение, обещая ей разные награды и сверх того бросить всё и уехать с нею в другую деревню или, пожалуй, за границу»* (т. 6, с. 28).

Позднее читатель знакомится со второй версией – мужской – самого Свидригайлова. У него свой взгляд на события и совершенно иная тональность изложения. Свидригайлов видит роль Дуни иначе: сравнивая ее с раннехристианскими мученицами, он считает, что она «намечтала» себе роль его спасительницы: *«Тут уж непременно захочется и “спасти”, и образумить, и воскресить, и призвать к более благородным целям, и возродить к новой жизни и деятельности, – ну, известно, что можно намечтать в этом роде»* (т. 6, с. 365). В романе «Братья Карамазовы» Достоевский усилит подобную ситуацию: Катерину Ивановну в намерении «стать машиной» для счастья Митеньки и спасти его от самого себя не остановят ни его кутежи, ни его любовь к другой женщине. Но у Катерины Ивановны была на это своя причина: долг перед Митей, который когда-то пощадил ее девичью честь. В «Преступлении и наказании» Дуня переживает аналогичный критический момент во время последней встречи со Свидригайловым, но это ничего принципиально не меняет ни в ней самой, ни в ее отношении к мужчине.

Насколько каждая из версий отношений между Дуней и Свидригайловым может быть объективной? Обе – лишь отчасти. Пульхерия Александровна не является участником событий или их свидетелем, в то же время она, разумеется, априори на стороне дочери. Свидригайлов – тоже лицо не беспристрастное. Более того, у него есть цель – своим рассказом вызвать раздражение и негодование Раскольников. Позднее тот же прием он будет использовать в разговоре с Дуней, утверждая, что она поддалась соблазну и сама влюбилась в него.

Дуня категорически отвергает его подозрения во влюбленности. Но и равнодушным ее отношение, видимо, не было. Стремление «спасти» и «образумить» притупили ее бдительность, а Свидригайлов, как человек весьма опытный, постарался втянуть Дуню во взаимоотношения, которые становятся опасными для ее чести и репутации. В то же время Свидригайлов убежден, что Дуня лишь из самолюбия и гордости не признается в том, что сама увлеклась им. Конечно, Дуня недооценила своего противника, а ее самоуверенность в сочетании с благородным желанием «спасти мужчину от самого себя», помноженная на отсутствие опыта в отношениях с противоположным полом, стали причиной опасной для девушки ситуации. То, что Свидригайлов поддался страсти и был недостаточно терпелив, довольно быстро привело к разрыву отношений: *«Авдотье Романовне еще несколько раз и прежде (а один раз как-то особенно) ужасно не понравилось выражение глаз моих, верите вы этому? Одним словом, в них всё сильнее и неосторожнее вспыхивал некоторый огонь, который пугал ее и стал ей наконец ненавистен. Нечего рассказывать подробности, но мы разошлись. Тут я опять сглунил. Пустился грубейшим образом издеваться насчет всех этих пропаганд и обращений; Параша опять выступила на сцену, да и не она одна, – одним словом, начался содом»* (т. 6, с. 367).

Страсть Свидригайлова напугала и оттолкнула Дуню. Слишком сильное чувство настораживает ее и в Разумихине. Она *«...с изумлением и почти даже с испугом встречала сверкающие диким огнем взгляды друга своего брата, и только беспредельная доверенность, внушенная рассказами Настасьи об этом странном человеке, удержала ее от покушения убежать от него и утащить за собою свою мать»* (т. 6, с. 153).

Помимо страсти Дуню могло отвратить от Свидригайлова чувство вины и косвенной причастности убийству. Во время последнего свидания со Свидригайловым она намекает на то, что знает, что он отравил свою жену. Но Свидригайлов готов сделать Дуню соучастницей преступления, чтобы иметь возможность манипулировать ею: *«Если бы даже это была и правда, так из-за тебя же... все-таки ты же была бы причиной»* (т. 6, с. 380).

В еще большей степени Свидригайлов пытается использовать для манипуляции любовь Дуни к брату. Но Дуня – не Соня. Это понял Родион, когда мысленно сравнивал сестру и Соню Мармеладову. Дуня любит своих близких, но готовность на жертву имеет определенные пределы, она всегда отстаивает свою честь. Соня не смогла бы покуситься на жизнь другого человека, это

принципиальный момент в их противостоянии с Раскольниковым, и это важно для идейной составляющей всего романа. Но Дуня не может пассивно согласиться на унижающую ее жертвенность, поэтому стреляет в Свидригайлова, хотя, по воле автора, не становится убийцей.

В творчестве Достоевского в дальнейшем появятся и другие образы гордых красавиц, которые страдали от мужского сладострастия. Но, в отличие от них, Дуня не помышляет о *месте* за оскорбленное женское самолюбие. В ней нет того явного внутреннего раздвоения, которое заставит других героинь метаться от одного мужчины к другому (Настасья Филипповна, Лиза Тушина, Катерина Ивановна Верховцева).

Отметим еще одну особенность любовного сюжета в романе «Преступление и наказание». Хотя Свидригайлов, Лужин и Разумихин могут считаться соперниками, Достоевский не показал прямых столкновений между ними. Неприятие Дуней Свидригайлова обозначилось еще до начала основных событий, негодование Свидригайлова на Марфу Петровну, которая *«состряпала этот брак»*, тоже описано как событие прошлого. Разрыв Дуни с Лужиным происходит довольно быстро, практически в начале романа: противостоят друг другу не Лужин и Свидригайлов, не Лужин и Разумихин, а Лужин и Раскольников. Свидригайлов пытается завоевать Дуню, но не вступает в конфликт с Разумихиным, а, напротив, велит *«кланяться ему»*.

Разумихин становится избранником сердца Дуни после ее отказа от брака с Лужиным. То есть у Дуни не было мучительного выбора между мужчинами. Разумихин, с женской точки зрения, тоже далеко не безупречен. Когда Дуня с ним знакомится, он производит впечатление эксцентричного молодого человека, который и *«впрямь явился с какой-то попойки»* (т. 6, с. 156). Однако он как преданный друг Родиона помогает Дуне и Пульхерии Александровне в Петербурге, и, конечно, сестра Раскольникова не может это не оценить.

Разумихин влюблен, но очень самокритичен: *«И... и главное, он такой грубый, грязный, обращение у него трактирное; и... и, положим, он знает, что и он, ну хоть немного, да порядочный же человек... ну, так чем же тут гордиться, что порядочный человек? Всякий должен быть порядочный человек, да еще почище, и... и все-таки (он помнит это) были и за ним такие делишки... не то чтоб уж бесчестные, ну да однако ж!.. А какие помышления-то бывали! гм... и это всё поставить рядом с Авдотьей Романовной! Ну да, черт! А пусть! Ну и нарочно буду такой грязный, сальный, трактирный, и наплевать! Еще больше буду!...»* (т. 6, с. 162).

Разумихин равнодушен к противоположному полу и, имея большой опыт общения с ним, обладает прекрасным знанием женской психологии. В нем есть чувственность, но не сладострастие, он не доходит до цинизма. Разумихин сам рассказывает о романе с хозяйкой коморки, которую снимает Раскольников. Он не только признается, что использует мужское обаяние в отношениях с Прасковьей Павловной, чтобы уладить проблемы друга, но даже упрекает Родина, что тот

«...с самого начала не сумел взяться за дело. С ней надо было не так. Ведь это, так сказать, самый неожиданный характер!» (т. 6, с. 97). Однако окончательный и серьезный выбор Разумихина – не мягкая Пашенька, «застенчивая до судорог» в любви, хозяйка мира «перин и кулебяк», а гордая и решительная Дуня Раскольниковова.

В романе «Преступление и наказание» нет и женского открытого конфликта на любовной почве: нет столкновения между ревнивой Пашенькой и Дуней, отказался Достоевский и от конфликта между Дуней и Соней, хотя в черновых вариантах романа Дуня строит интриги против Сони, втягивая в них и Разумихина: [см.: т. 7, с. 149].

Разумихин – деятельная и активная натура, его больше привлекает характер Дуни. Выбор Дуни тоже можно вполне объяснить, тем более что Родион сам положительно рекомендует своего друга: «Он человек деловой, трудолюбивый, честный и способный сильно любить...» (т. 6, с. 326). Еще один важный аргумент для Дуни – искренняя любовь Разумихина и его уважение к ней. Он предлагает Дуне не просто план совместной деятельности, но и, судя по всему, надеется в дальнейшем на **партнерский брак**:³ «есть у меня дядя <...>, а у этого дяди есть тысяча рублей капитала, а сам живет пенсионом и не нуждается. Второй год как он пристает ко мне, чтоб я взял у него эту тысячу, а ему бы по шести процентов платил. Затем вы дадите другую тысячу, из ваших трех, и вот и довольно на первый случай, вот мы и соединимся» (т. 6, с. 238), «Конечно, нужно много труда, но мы будем трудиться, вы, Авдотья Романовна, я, Родион... <...> Будем и переводить, и издавать, и учиться, всё вместе» (т. 6, с. 238).

В «Преступлении и наказании» просматривается художественный «диалог» с романом «Что делать?» Н. Г. Чернышевского. Прежде всего, конечно, обращает на себя внимание идейное противостояние писателей. «Социалистические» идеи Лебезятникова – это, несомненно, пародирование концепции Чернышевского. Однако художественные переключки можно обнаружить и в любовном сюжете. Вера Павловна – центр любовного сюжета романа Чернышевского, как и Дуня Раскольниковова – Достоевского. Сюжет отношений Верочки с хозяином дома Михаилом Ивановичем Сторешниковым переключается с сюжетом Дуни Раскольниковой и Лужина. Несомненно, мужские характеры в романах не могут полностью совпадать, об этом речь не идет. Однако мотивы, по которым мужчины добиваются брака с девушками, имеют много общего. Например, о Сторешникове автор пишет: «Самолюбие было раздражено вместе с сладострастием. Но оно было затронуто и с другой стороны: “она едва ли пойдет за вас” – как? не пойдет за него, при таком мундире и доме? <...> Была и еще одна причина в том же роде: мать Сторешникова, конечно, станет противиться женитьбе, – мать в этом случае представительница света, – а Сторешников до сих пор трусил матери и, конечно, тяготился своею зависимостью от нее. Для людей бесхарактерных очень завлекательна мысль: “Я не боюсь, у меня есть характер”. Конечно, было

³ Здесь и далее выделено нами. – Н.М.

и желание подвинуться в своей светской карьере через жену» [Чернышевский, 1964, с. 10]. Невозможность отношений в обоих случаях определяется тоже сходными причинами: безнравственным поведением мужчины и отказом от брака со стороны женщины.

В сюжете Авдотьи Раскольниковой и Дмитрия Разумихина – отклик на роман Чернышевского, причем без иронии или пародирования. Равенство в деловой сфере, которое предлагается Разумихиным как условие совместной деятельности, логически как будто распространяется и на семейную жизнь. О том, как сложится судьба Дуни и Дмитрия, Достоевский не написал, но их отношения явно имеют признаки отношений людей «нового» типа. Напомню, что оба брака Веры Павловны в романе Чернышевского – разные варианты «партнерских отношений». Первый брак со студентом Дмитрием Сергеевичем Лопуховым был основан в первую очередь на взаимном уважении мужчины и женщины. Этот брак определялся стремлением Лопухова помочь Вере Павловне вырваться из семейной «тюрьмы» (метафорический образ «подвала» у Чернышевского), в которой подавляется ее личность, освободиться от давления матери, настаивающей на замужестве исключительно по расчету. К слову, оба героя – Лопухов и Разумихин – используют в нужный момент свое знание женской психологии, один – в ситуации с матерью Веры Павловны, другой – с Пашенькой, чтобы достичь поставленной цели. Именно уважение к чувству Веры Павловны заставило Лопухова имитировать самоубийство, чтобы дать свободу женщине, полюбившей другого⁴. Второй брак Веры Павловны с Кирсановым – тоже пример отношений, построенных не только на любви, но, прежде всего, на взаимном уважении супругов, когда исключается и экономическая, и психологическая подчиненность женщины мужчине.

В романе Достоевского образ Дуни, как и ее судьба, не получает полного раскрытия. Но по этому поводу очень тонко заметил А. Гизетти: «В Дуне Достоевский подошел к вершине-распутью: от нее идет такая же линия к гордым эгоисткам-инфернальницам, как и к героиням активной борьбы. И Дуня победила Достоевского, он опять оборвал нить ее судьбы потому, что она – загадка, потому что она не вмещалась в схемы дальнейших романов» [Гизетти, 1924, с. 193].

Можно утверждать, что образ Авдотьи Раскольниковой занимает особое место не только в любовном сюжете романа «Преступление и наказание», это своеобразный этап в разработке Достоевским женских психотипов. Этот образ самостоятелен, почти индифферентен по отношению к духовным составляющим, то есть, не связан с идеологическим началом (как Родион) или с религиозным (как Соня). Автор проводит Дуню Раскольникову, как и многих других героинь в своем творчестве, через испытания: нищету, жизненные невзгоды, унижение женского достоинства. Но это не порождает в ее характере мстительности, истеричности, внутренней раздвоенности. Внутренняя конфликтность возможна (и это чувствует

⁴ Нельзя не учитывать «теорию разумного эгоизма» Чернышевского, которой следуют герои писателя в романе «Что делать?». – *Прим. редактора.*

в сестре Раскольников), но она сглажена и не находит сюжетного воплощения как, например, метание между мужчинами противоположного психотипа и этической позиции. Драматизм, который окрашивает отношения Дуни со Свидригайловым или Лужиным, почти не меняет героиню внутренне. Для Дуни не характерен «надрыв» (как для Катерины Ивановны Мармеладовой, Настасьи Филипповны, Лизы Тушиной, Катерины Ивановны Верховцевой), который не только «ломает» судьбы женщин и мужчин, но и способен довести женщину до гибели.

Примечателен еще один момент. В «Преступлении и наказании», в отличие от последующих больших романов писателя, практически нет конфликтов женщин из-за мужчин (любовный треугольник Марфа Петровна – Дуня – Свидригайлов возникает до начала основных событий, Марфа Петровна умирает еще до завязки действия в Петербурге). Поэтому можно согласиться с А. Гизетти в том, что образ Авдотьи Раскольниковой остался для Достоевского чрезвычайно значимым, но художественно «тупиковым». В дальнейшем творчестве воображению писателя Достоевского будут интереснее иные женские психотипы и обостренные открытые женские конфликты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ахшарумов, Н. Д. О Преступлении и наказании. Воспоминания и исследования о творчестве Достоевского / Н. Д. Ахшарумов // Воспоминания и исследования о творчестве Ф. М. Достоевского: публицистика. Книга 1. – Москва, Берлин: Директ-Медиа, 2015. – С. 287–301. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=336064>. (08.09.2021).

Власкин, А. П. Образная система романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в гендерном аспекте / А. П. Власкин, Т. Б. Зайцева, С. В. Рудакова // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2017. – № 2. – С. 196–205.

Гизетти, А. А. Гордые язычницы (К характеристике женских образов Достоевского) / А. А. Гизетти // Творческий путь Ф. М. Достоевского: Сборник статей под ред. Н. Л. Бродского. – Ленинград, 1924. – С. 186–196.

Креницын, А. Б. О специфике любовной интриги в романах Ф. М. Достоевского / А. Б. Креницын // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – Москва: Изд-во РУДН, 2016. – № 3. – С. 54–69.

Тихомиров, Б. Н. Другой Свидригайлов: неосуществленный замысел Достоевского начала 1967 года (наблюдения и гипотезы) / Б. Н. Тихомиров // Три века русской литературы: Актуальные аспекты изучения. Межвузовский сб. научных трудов. Ф. М. Достоевский: О творчестве и судьбе. Вып. 25. – Москва; Иркутск: Изд-во Восточно-Сибирской государственной академии образования, 2011. – С. 141–153.

Чернышевский, Н. Г. Что делать? / Н. Г. Чернышевский. – Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения, 1960. – 368 с.

Шатин, Ю. В. Три Анны. Нарратология русского адюльтера / Ю. В. Шатин // Архетипические структуры художественного сознания: Сб. ст. Вып. 3 / Сост. Е. К. Созина, Л. Ю. Прудникова; науч. ред. Е. К. Созина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – С. 190–193.

REFERENCES

Ahsharumov, N. D. O Prestuplenii i nakazanii. Vospominanija i issledovanija o tvorčestve Dostoevskogo / N. D. Ahsharumov // Vospominanija i issledovanija o tvorčestve F. M. Dostoevskogo: publicistika. Kniga 1. – Moskva, Berlin: Direkt-Media, 2015. – S. 287–301. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=336064>. (08.09.2021).

Chernyshevskij, N. G. Chto delat'?' / N. G. Chernyshevskij. – Moskva: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogičeskoe izdatel'stvo ministerstva prosveshhenija, 1960. – 368 s.

Gizetti, A. A. Gordye jazychnicy (K karakteristike ženskikh obrazov Dostoevskogo) / A. A. Gizetti // Tvorčeskij put' F. M. Dostoevskogo: Sbornik statej pod red. N. L. Brodskogo. – Leningrad, 1924. – S. 186–196.

Krincyn, A. B. O specifičeskoj ljubovnoj intrigi v romanah F. M. Dostoevskogo / A. B. Krincyn // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Literaturovedenie. Žurnalistika. – Moskva: Izd-vo RUDN. – 2016. – № 3. – S. 54–69.

Shatin, Ju. V. Tri Anny. Narratologija russkogo adjuł'tera / Ju. V. Shatin // Arhetipičeskie struktury hudožestvennogo soznanija: Sb. st. Vyp. 3 / Sost. E. K. Sozina, L. Ju. Prudnikova; nauch. red. E. K. Sozina. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2002. – S. 190–193.

Tihomirov, B. N. Drugoj Svidrigajlov: neosushhestvlenyj zamysel Dostoevskogo nachala 1967 goda (nabljudenija i gipotezy) / B. N. Tihomirov // Tri veka russkoj literatury: Aktual'nye aspekty izučenija. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. F. M. Dostoevskij: O tvorčestve i sud'be. Vyp. 25. – Moskva-Irkutsk: Izd-vo Vostočno-Sibirskoj gosudarstvennoj akademii obrazovanija, 2011. – S. 141–153.

Vlaskin, A. P. Obraznaja sistema romana F. M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» v gendernom aspekte / A. P. Vlaskin, T. B. Zajceva, S. V. Rudakova // Problemy istorii, filologii, kul'tury. – 2017. – № 2. – S. 196–205.